

Руссоизм или марксизм: К проблеме философско-политических истоков концепции общенародного государства в СССР

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена философско-политическому и историческому анализу концепции общенародного государства, раскрытию его теоретических и политико-идеологических истоков. Постулат общенародного государства был введен на XXII съезде КПСС (1961), однако разработчики отталкивались от проекта Программы ВКП(б), который был выработан под руководством И.В. Сталина и А.А. Жданова в 1947 году. Именно в этом документе впервые было позиционировано теоретическое нововведение «всенародное государство», достаточно сильно контрастирующее с основами марксизма-ленинизма: «Советское государство является выразителем силы, воли и разума народа. С ликвидацией эксплуататорских классов, победой социализма и установлением полного морально-политического единства всего народа диктатура пролетариата выполнила свою великую историческую миссию. Советское государство превратилось в подлинно всенародное государство».

В статье ставятся вопросы о философско-политических интуициях, лежащих в основе программного нововведения партии «общенародное государство», о целях «отмены» диктатуры пролетариата и его «замены» новым необычным политическим догматом. В этой связи автор статьи приходит к необходимости краткого исторического и идейно-политического анализа концепции народа-суверена и *volonté générale* Жана-Жака Руссо — для сопоставления философско-политических оснований, лежащих в глубинной основе любой теории, принимающей за основу принцип народного суверенитета, а также в целях постановки проблемы последствий подобных теоретических инноваций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Общенародное государство, всенародное государство, марксизм-ленинизм, проект Программы ВКП(б) 1947 г., XXII съезд КПСС, III Программа КПСС, проект Конституции СССР 1964 г., пролетариат, диктатура пролетариата, партия, советский народ, И.В. Сталин, А.А. Жданов, Н.С. Хрущев, бесклассовое общество, руссоизм, Ж.-Ж. Руссо, народ-суверен, народовластие, *volonté générale*.

I

В последние годы особую заинтересованность исследователей, публицистов и даже политиков вызывают изменения в политико-теоретическом оформлении советского государства, идейно-политическая динамика советского государства. В этом плане совершенно логично возрастает интерес и внимание ученых к так называемому *общенародному государству* — необычной, отчасти неожиданной, квазимарксистской формуле, введенной в советскую идеологию, партийно-политический лексикон и общественную науку на XXII съезде КПСС (1961). Каковы философ-

ские интуиции, лежащие в основе этого нововведения, каковы философско-политические истоки концепции общенародного государства; на какие работы опирались, к каким мыслителям (кроме классиков марксизма-ленинизма) апеллировали творцы формулы и идеологи общенародного государства (эксплицитно или имплицитно)? С какой целью была совершена «отмена» диктатуры пролетариата и соответственно «замена» его «антинаучным, фантастическим клише “общенародное государство”» [Косолапов 1999: 30]? В конце концов, кто именно и при каких обстоятельствах «придумал» *общенародное государство*? Какие соображения могли двигать теоретиками и политиками, постулирующими эту формулу?

На XXII съезде КПСС — во всяком случае, такова видимость происходящего — происходит неожиданный и весьма резкий разрыв как с прежними (сталинскими) теоретико-политическими и идеологическими конструкциями, базирующимися на политической теории Маркса, Энгельса и Ленина, но не сводимыми к ней, так и равным образом с марксистско-ленинской теорией вообще. В третьей Программе КПСС, принятой на этом съезде, говорится: «Обеспечив полную и окончательную победу социализма — первой фазы коммунизма — и переход общества к развернутому строительству коммунизма, диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию и с точки зрения задач внутреннего развития перестала быть необходимой в СССР. Государство, которое возникло как государство диктатуры пролетариата, превратилось на новом, современном этапе в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа» [Материалы XXII съезда 1961: 396]¹. — «...В результате утверждения общенародного государства, — комментирует Ф.М. Бурлацкий — ученый, с 1958 года непосредственно причастный к разработке и оформлению (точнее, к *переработке* и *переоформлению*), равно как и к пропаганде теории общенародного государства, — как бы завершается коренное *преобразование самой природы государства*, начатое социалистической революцией, еще более расширяется его социальная база. Государство целиком становится органом классового единства, орудием всенародной воли» [Бурлацкий 1963: 120]. Концепция общенародного государства, утверждает ученый, — «это самый крупный вклад в теорию государства, который был сделан после Ленина» [Бурлацкий 1963: 8].

«Рабочий класс — единственный в истории класс, который не ставит целью увековечить свое господство. <...> В условиях победившего социализма и вступления страны в период развернутого строительства коммунизма рабочий класс Советского Союза по собственной инициативе... преобразовал государство своей диктатуры во всенародное государство. <...> Впервые у нас сложилось государство, которое является не диктатурой какого-либо одного класса, а орудием всего общества, всего народа» [Материалы XXII съезда 1961: 185]. Партия рабочего класса, «энтелехия пролетариата», сущностно единая с его диктатурой, получает

¹ Соответственно, в проекте новой Конституции (1964): «Все предшествующие конституции были конституциями государства диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию и с точки зрения задач внутреннего развития перестала быть необходимой в СССР. Государство диктатуры пролетариата превратилось на новом этапе в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа» [Конституция СССР 2002: 399].

«новый статус» — «партия всего (советского) народа», или *«всенародная партия»*: **«Наша марксистско-ленинская партия, возникшая как партия рабочего класса, стала партией всего народа.** В этом проявляется монолитное единство и могущество советского общества, спаянного единством интересов и мировоззрения» [Материалы XXII съезда 1961: 224]¹. Совершенно очевидно, что «партия всего народа» — крайне сомнительный политико-теоретический конструкт: вбирая в себя («через голову» пролетариата) *весь народ, бывшая боевая партия рабочего класса становится всеклассовой, или, что то же самое, бесклассовой, — и потому бескачественной; не всенародной, а вненародной.* Как видно, в утверждении о всенародном характере партии существует возможность движения к абсурду: партия, распространяясь на весь народ, сливается с ним, становясь народом; народ же — становится партией. Теряется «пирамидальность» политической конструкции (народ — правящий класс — правящая партия; в их гармоничном единстве), завершенность в теории, риторике и практике. КПСС превращается, расплываясь, в некий коллективный интеллект народа: Л.И. Брежнев в выступлении 1970 года так и выразился: «Партия выступает как организующее ядро всей общественной системы, как коллективный разум всего советского народа» [Брежнев 1973: 581]. — Как справедливо указывает А.Н. Медушевский, «принятием концепции “общенародного государства” постулат о “ведущей роли рабочего класса” перестает быть очевидным»; в свою очередь, «отказ от традиционной формулы о “ведущей роли пролетариата” ставил под сомнение легитимность доминирования КПСС как партии рабочего класса» [Медушевский 2017: 518–519].

Советские теоретики быди вынуждены «находить» обоснование для нововведенных политических «открытий». Так, Д.И. Чесноков — тот самый Чесноков, к которому были обращены слова Сталина «Без теории нам смерть, смерть» (см.: [Капченко 2009: 703]), в работе 1952 года утверждал, что формы диктатуры пролетариата могут меняться, сущность же остается: «Советская власть как политическая форма диктатуры пролетариата характеризуется исключительной гибкостью. Она изменяется и развивается по мере развития социалистического государства...» [Чесноков 1952: 99]. А вот в работе 1964 года тот же Чесноков в соответствии с новыми установками партии трактует диктатуру пролетариата совершенно иным образом, порицая теоретиков, которые не «перестроились»: «С решением задач переходного периода, с победой социализма, ликвидацией эксплуататорских классов... диктатура пролетариата перестает быть необходимой, а государство диктатуры пролетариата перерастает в государство общенародное». — И далее: «Некоторые люди, считающие себя последовательными марксистами... утверждают, будто социалистическое государство остается государством диктатуры пролетариата вплоть до высшей фазы коммунизма. Подобные утверждения

¹ Соответственно, из Провозглашения проекта новой Конституции (1964): «Коммунистическая партия рабочего класса превратилась в авангард всего советского народа, стала партией всего народа. Единство ленинской партии и советского народа нерушимо: партия — вместе с народом, народ — вместе с партией»; из ст. 4: «Коммунистическая партия Советского Союза — является руководящей и направляющей силой советского общества и государства» [Конституция СССР 2002: 399, 401].

свидетельствуют о схоластическом и догматическом подходе этих горе-теоретиков... Догматики и сектанты, распространяющие период диктатуры пролетариата на весь период социализма, по существу разделяют ошибочное положение Сталина об обострении классовой борьбы при социализме...» [Чесноков 1964: 267–277]. (На деле же именно эти «догматики и сектанты» и были последовательными марксистами: вспомним Маркса, «Критику Готской программы»: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*».)

Новация «общенародное государство» в действительности «придумана» не «народником» Хрущевым¹ и его консультантами (в числе которых был и Ф.М. Бурлацкий), но взята из проекта Программы компартии, разработанного под руководством И.В. Сталина и А.А. Жданова в 1947 году, оставленного в дальнейшем без внимания и не оказавшего никакого заметного влияния на жизнь партии до 1957–1958 годов, когда начались *работы* по «реанимации» проекта² — вплоть до принятия его в измененном виде на XXII съезде — без указания, впрочем, на истинное авторство. «Составители» Третьей программы партии, принятой на XXII съезде, хотели бы скрыть свой «источник вдохновенья» (сталинско-ждановский текст предназначался для обсуждения и принятия на очередном XIX съезде партии, созыв которого намечался на 1948 год). — «Н.С. Хрущев и его соратники работу над проектом партийной программы, выполненную в 1947 году под руководством И.В. Сталина и А.А. Жданова, официально предали полному забвению. Да и подготовка завершающего аккорда съезда не давала им возможности поступать иначе. Более того, на XXII съезде КПСС была создана такая атмосфера, когда Сталина обвиняли в том, что он будто бы препятствовал разработке третьей партийной Программы» [Трушков 2016^a]. Однако при этом важно другое — партия и советское руководство после Сталина, несмотря на декларируемый разрыв со «сталинизмом», оставались, по выражению А.В. Пыжикова, «в плотной оболочке традиционных сталинских постулатов» [Пыжиков 2002: 32].

Составители проекта (точнее, вариантов проекта) Программы — О.В. Куусинен, Г.Ф. Александров, М.Б. Митин, П.Ф. Юдин, М.Т. Иовчук, П.Н. Пospelов, Д.Т. Шепилов, К.В. Островитянов, Л.А. Леонтьев, П.Н. Федосеев, — работали в составе нескольких «команд» («команды» — условно, конечно). Текст проекта в окончательной редакции — именно тот текст, который планировалось как минимум обсудить, если не принять, на XIX съезде партии (он подписан именами П.Н. Федосеева, М.Б. Митина, Л.А. Леонтьева, Д.Т. Шепилова), — был с комментариями опубликован ученым и общественным деятелем Виктором Ва-

¹ Так однажды в не очень уважительном ключе (но очень метко) назвал Хрущева Сталин (см.: [Бурлацкий 2003: 57]).

² Инициатива, понятно, исходила от Хрущева, но «официальным» теоретическим инициатором был Куусинен. С.С. Згоржельская пишет: «В 1957 г. П.Н. Пospelовым и О.В. Куусиненом была высказана идея о том, что стереотип диктатуры пролетариата изжил себя и является тормозом на пути развития советской государственности в новых политических условиях» [Згоржельская 1997: 21].

сильевичем Трушковым в 2016 году в газете российских коммунистов «Правда»¹. В конце 2017 года этот текст «окончательного варианта» вместе с текстами предыдущих, а также стенограммы заседаний комиссии ЦК по проекту новой Программы партии, были опубликованы учеными-историками Валерием Васильевичем Журавлевым и Любовью Николаевной Лазаревой в составе нового сборника из серии документов и материалов по истории СССР (см.: [Сталинское экономическое наследство 2017]). В сборник документов также вошли материалы Всесоюзной экономической дискуссии 1951 года по учебнику политической экономии социализма, и материалы Международного экономического совещания (Москва, 1952).

Помимо прочего, в проекте заявлялось: «В социалистическом обществе достигнуто невозможное в условиях эксплуататорского строя единство государства и народа. Советское государство является выразителем силы, воли и разума народа. С ликвидацией эксплуататорских классов, победой социализма и установлением полного морально-политического единства всего народа диктатура пролетариата выполнила свою великую историческую миссию. Советское государство превратилось в подлинно всенародное государство» [Проект новой программы 2016 *web*] = [Сталинское экономическое наследство 2017: 176]. — Обращает внимание именно это «*всенародное*», а не менее акцентированное «*общенародное*», как в третьей Программе КПСС. Этот впечатляющий по своей неожиданности, мощной постановке, сильном звучании и лаконизме пассаж есть только в окончательном варианте, однако общая интуиция (или установка?) всенародного государства отражается и в вариантах. Так, читаем: «Советское государство на нынешней стадии его развития уже не является, в полном смысле слова, диктатурой пролетариата. Советское государство есть социалистическое государство, опирающееся на полное морально-политическое единство советского общества» [Сталинское экономическое наследство 2017: 43]; «За годы советской власти СССР стал страной всенародной социалистической демократии» [Сталинское экономическое наследство 2017: 79]; «Советское социалистическое государство вступило после победы социализма в СССР и принятия новой Конституции СССР в новую фазу своего развития, стало всенародным государством, в одинаковой мере представляющим интересы дружественных классов советского общества — рабочего класса и советского крестьянства, а также интеллигенции. <...> Сообразно с превращением диктатуры пролетариата во всенародное Советское социалистическое государство изменились и функции нашего государства» [Сталинское экономическое наследство 2017: 104].

Итак, подлинно всенародное государство. В этом «*подлинно всенародном*» (стало быть, возможны и не подлинно всенародные²) государстве прочитывается

¹ См.: Правда. Орган Центрального комитета КПРФ (<http://gazeta-pravda.ru>). 2016. № 70, 73, 76, 79, 82, 85, 88, 91, 94, 97, 100, 103, 106, 109, 112, 118.

² И это — буржуазные демократии: «Выступая под вывеской воплощения народной воли, буржуазная демократия на деле стала решающей преградой на пути осуществления действительных стремлений народа...»; «Буржуазная демократия, провозгласившая в свое время лозунг патриотизма и национальной независимости, все более становится неспособной к действительной защите национальной свободы и суверенитета народов» [Сталинское экономическое наследство 2017: 167, 168].

все, что угодно — Руссо, декабристы (в особенности народодержавие/общедержавие П.И. Пестеля¹), американская конституция, демократическая диктатура народа Мао²; античный полис, платоновский идеальный полис, римская *res publica*; коммунистическое общество, в конце концов³, — но не Маркс и Энгельс, не Ленин (три классика были в высшей степени осторожны в обращении с понятием народа), и наконец, даже не Сталин (при всей его великодержавности). В.А. Бударин, вскрывая антимарксистскую сущность идеи мифического «общенародного (внеклассового) государства», которая по своей сути «антинаучна и ультимативно противоречит ленинизму», утверждает, что «подобное государство несовместимо с классовой природой любого из обществ, в котором до сего времени вообще существовало государство». — Ни человечеству, ни общественной науке «не известно ни одного “внеклассового” общества и ни одного “общенародного”, то есть внеклассового государства. Именно поэтому мифическое общенародное государство, в которое был превращен СССР, и переродилось со временем в обычное классово-буржуазное политическое образование. <...> Вместе с “теоретическим отмиранием” диктатуры пролетариата практически стало неумолимо погибать и социалистическое общество. Жизнь в очередной раз подтвердила ту непреложную истину, что в общественной теории отказ от главной характерной (определяющей) черты явления приводит к фактическому отрицанию самого явления как практической категории. Оказалось... что никакие разговоры о сохранении и укреплении роли социалистического государства, лишенного его стержня в лице диктатуры пролетариата, не способны в реальной жизни сохранить социалистическое государство в качестве главного рычага социалистического строительства» [Бударин 2017^b: 14–15].

В.В. Трушков справедливо пишет, что «ни одно издание никогда даже не сообщало не только о наличии последней редакции проекта программы ВКП(б) образца 1947–1948 годов, но и ни словом не обмолвилось о том, что над этим документом шла интенсивная работа. Более того, нигде никогда не сообщалось даже о намерении подготовки в 1947–1948 годах новой программы партии» [Трушков 2016^b]. В советские

¹ «...В отличие от большинства декабристов, мечтавших о конституционном строе для России, Пестель, хотя и не был принципиальным противником конституции, тем не менее вынашивал идею демократической диктатуры, и в этом отношении он был близок к Руссо, считавшему народ источником любой власти и ставившему идею народа выше идеи законности. <...> В своих преобразовательных проектах Пестель выступал не как русификатор, а как рационализатор. Поэтому его национальная политика, предусматривающая слияние всех народов, населяющих Россию, в единый народ, предполагала создание нового народа как материала для рационально устроенного государства» [Парсамов 2010: 63–64]. О влиянии идей Руссо на «проектно-политическую» мысль Пестеля см.: [Златопольская 2005: 30–33].

² Термин появляется в 1948 году, а в одном из вариантов проекта партийной программы 1947 года заявлено: «Развитие социалистической демократии на основе завершения построения бесклассового социалистического общества будет все больше превращать пролетарскую диктатуру в диктатуру советского народа» [Пыжиков 2002: 31]. Надо полагать, что составители программы благоразумно решили, что «диктатура народа» — это уж слишком, и «подарили» эту «теоретическую инновацию» Мао.

³ В этот «реестр» *концептуальных узлов народа, власти и государства* можно добавить народное трудовое государство Антона Менгера ([Менгер 2015]), «народное государство» Ф. Лассалья; в этот же ряд с существенными оговорками могут быть положены «народные монархии» Ю.Ф. Самарина и И.Л. Солоневича.

годы авторы многочисленных работ, посвященных практике и теории общенародного государства, о проекте 1947 года не упоминали совершенно (многие исследователи даже и не знали об этих разработках¹). Справедливости ради надо все же заметить, что глухие упоминания об этом проекте проскальзывали в советских работах — назовем книгу Ф.М. Бурлацкого «Ленин, государство, политика» — книга эта, вышедшая в 1970 году, к слову сказать, через двадцать с небольшим лет станет матрицей российской политологии. Не делая никаких отсылок, Ф.М. Бурлацкий рассказывает: «Вскоре после окончания Великой Отечественной войны началась работа над новой Программой нашей партии. В сохранившемся наброске этой Программы, составленном в 1947 г., уже прямо указывалось, что государство диктатуры пролетариата СССР преобразовывалось во всенародное государство» [Бурлацкий 1970: 365]. — И далее: «Иными словами, вопрос об общенародном государстве поставлен марксистско-ленинской теорией давно. Это не идея какой-то одной личности... а идея партии, сформулированная в ее новой Программе и являющаяся результатом обобщения опыта социалистической революции и построения социализма» [Бурлацкий 1970: 365]². Ф.М. Бурлацкий рассказывает, что в 1958 году под руководством Куусинена он принял участие в разработке концепции общенародного государства, в частности, в подготовке Записки Куусинена для руководства партией «Об отмене диктатуры пролетариата и переходе к общенародному государству» (См.: [Бурлацкий 2003: 28–35])³.

¹ Так, В.А. Бударин пишет: «...Я, как и многие коммунисты, до публикации проекта 1947 года (в 2016 году. — А.Н.) считал, что идея перехода от диктатуры рабочего класса к так называемому общенародному государству принадлежит не иначе как Н.С. Хрущеву и его окружению. <...> Оказывается, Н.С. Хрущев и его единомышленники никакие не изобретатели внеклассового (по сути правооппортунистического) “общенародного государства”. Они элементарно заимствовали данную идею из проекта партийной Программы 1947 года, который, естественно, не был для них секретом» [Бударин 2017^b: 9–10]. Леонард Шапиро, анализируя третью Программу КПСС, не допускает никаких сомнений в том, что «на каждой строке Программы лежит отпечаток личности Хрущева», и именно «хрущевская теория о природе партии составляет его главный вклад в идеологию» [Шапиро 1990: 827–828]. Во второй части 5-го тома фундаментальной шеститомной Истории КПСС (см.: [История КПСС 1980]; том вышел в 1980 году и посвящен периоду с 1945 по 1959 годы) также никаких упоминаний о проекте 1947 года нет. Такая вот «тайна третьей Программы»...

² В другой работе идеолог и ученый настаивает на том, что идея общенародного государства не нова и выдвинута партией отнюдь не в конце 50-х: «В середине 30-х годов... во время обсуждения Конституции 1936 года был поставлен вопрос, сохранится ли у нас диктатура пролетариата? Тогда этот вопрос не был решен, но в самой Конституции формулировка о диктатуре пролетариата была обращена в прошлое, а наше государство определялось как государство рабочих и крестьян, государство социалистической демократии. <...> Иными словами, вопрос об общенародном государстве поставлен марксистско-ленинской партией давно. Эта идея сформулирована партией... Перерастание государства диктатуры пролетариата во всенародное — постепенный и довольно длительный процесс. Оно началось с середины 30-х годов и завершилось с полной и окончательной победой социализма» [Бурлацкий, Мушинский 1986: 25].

³ Незбыгнтерсен список литературы, запрошенной рабочей группой по составлению программы: в нем нет Маркса, Энгельса и (почти) Ленина, зато есть Сталин, Сен-Симон, Фурье (см. об этом: [Фокин 2017: 23–24]). Странно, что «рабочая группа» (если верить этому рассказу) не запросила книги Руссо, Мора и Кампанеллы... Труды *предшественников научного социализма* издавались специальной серией с таким же названием начиная с 1947 года. Сен-Симон выходил в 1947 году («Изложение учения Сен-Симона») и в 1948 году (двухтомник избранных сочинений); четырехтомник Фурье выходил с 1951 по 1954 годы. Главная работа Руссо все же опередила издания предшественников научного социализма: книга «Об общественном договоре, или Принципы политического права» вышла в 1938 году — учитывая специфику времени, сложно представить, что книга вышла без

II

Разработанная в 1947 году новая Программа партии не то чтобы не была принята, но все дальнейшие обсуждения, которые должны были бы последовать за составлением окончательной (разумеется, на определенный момент) ее версии, были прекращены. Немаловажной причиной этого стала смерть А.А. Жданова. «Новое окружение Сталина, — пишет В.В. Трушков, — после смерти Жданова не стремилось к быстрому проведению партийного съезда, так как в этом случае первые роли в партии заняли бы ленинградцы из “ждановской команды”. <...> Эти верхушечные противостояния непосредственно отражались на судьбе проекта программы ВКП(б) 1947 года. Политбюро, повестку заседаний которого теперь в силу занимаемой должности формировал Маленков, не возвращалось к этой теме, хотя еще несколько месяцев назад члены и кандидаты Политбюро получили проект для принятия решения» [Трушков 2016^с]. Однако это не объясняет того факта, что вопрос о новой программе, в целом подготовленной и вполне достойной для вынесения на всепартийное обсуждение, не был поставлен Сталиным. В.В. Трушков предлагает так трактовать причины такого сталинского решения: «Сталинско-ждановская программа ВКП(б) задумывалась как политическая стратегия завершения строительства полного социализма и насыщения его чертами высшей фазы коммунизма. Но это означает, что она была только первой частью системной стратегии развития общества. Второй частью должен был стать генеральный хозяйственный план СССР. Решение о его разработке Политбюро ЦК ВКП(б) приняло тоже в июле 1947 года, практически сразу же после решения Политбюро “О проекте новой программы”. Эти документы один без другого утрачивали смысл». — Однако «27 октября 1949 года Вознесенский был арестован, через год Военной коллегией Верховного суда приговорен к расстрелу. В общем, работа над генеральным хозяйственным планом никем не велась, а значит, последняя редакция проекта программы ВКП(б) была приговорена к архивному прозябанию» [Трушков 2016^с]. Такое объяснение представляется недостаточным: Генеральный хозяйственный план СССР — документ безусловно важный, однако в любом случае — не настолько, чтобы Программа партии без него не «работала»¹. Идеино-политический статус Программы неизмеримо выше любого хозяйственного плана.

Нет никаких оснований утверждать, что Проект программы партии на ожидающемся ее съезде планировалось именно *принять*, а не поставить на обсуждение (возможно, всепартийное), всесторонне продискутировать документ. Такую гипотезу предлагает член ЦК КПРФ Ю.П. Белов, справедливо утверждая, что Сталин «”пропустил” в окончательную редакцию проекта программы ВКП(б) идею о всенародном государстве для ее дискуссионного обсуждения. Этот при-

ведома партии и, надо полагать, И.В. Сталина. В том же 1938 году была переиздана не раз прочитанная Сталиным работа Альфонса Олара о Великой Французской революции (см.: [Олар 1938]). 1937-й год, знаменитый своими торжествами, связанными с Пушкинским юбилеем, стал также годом торжеств по случаю 225-летия со дня рождения Руссо (см. об этом: [Сиволап-Кафтанова 1978]).

¹ В записке Н.А. Вознесенского на имя Сталина говорится, что «подготовка генерального хозяйственного плана СССР имеет прямое отношение к составлению новой программы ВКП(б). Генеральный хозяйственный план будет являться необходимым дополнением и конкретным планом выполнения новой программы ВКП(б)» [Политбюро 2002: 240].

ем он использовал при разработке и обсуждении в научной среде проекта учебника политэкономии социализма. Он заранее не упреждал те или иные суждения с отступлением от марксизма. Поскольку они имели хождение отчасти среди интеллигенции в обществоведческой среде, он считал необходимым предоставить возможность им выразиться, чтобы затем аргументированно раскрыть их несостоятельность и тем самым приковать всеобщее внимание к обсуждаемой проблеме» [Белов 2017 *web*].

Не менее важно также следующее обстоятельство: «генеральный хозяйственный план» не имел смысла без общей теории социализма, без разработки политической экономии социализма, а работы в этом направлении начались (точнее, возобновились) после войны. Речь шла о создании принципиально нового учебника по политэкономии, который должен был иметь такое же значение для марксистской мысли в СССР, что и Краткий курс истории ВКП(б). В 1951 году была открыта дискуссия об основах политэкономии социализма, завершившаяся публикацией сталинской работы «Об экономических основах социализма в СССР» (1952)¹. В 1954 году вышел в свет учебник «Политическая экономия» (см.: [Политическая экономия 1954]), важнейшей частью которого и стала разработанная советскими учеными на основе сталинских установок политическая экономия социализма (собственно, первый опыт такого рода в марксизме)². Создание единой и авторитетной марксистско-ленинской политэкономии социализма могло бы стать необходимым предуготовлением к принятию новой программы партии, однако проект 1947 года не был реанимирован.

Еще одно обстоятельство необходимо отметить — тезис о построении коммунизма «в течение ближайших 20–30 лет». Знаменитая хрущевская формулировка о построении коммунизма в перспективе не просто обозримой, но ближайшей — «придумана» опять-таки не Хрущевым. В проекте 1947 года сказано: «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) ставит своей целью в течение ближайших 20–30 лет построить в СССР коммунистическое общество» [Проект новой программы 2016 *web*] = [Сталинское экономическое наследство 2017: 176]. В определение коммунистического общества в качестве ключевых включены два параметра: общественная собственность на средства производства и единое бесклассовое общество (и тут как раз все вполне закономерно: «всенародное государство»

¹ Материалы Всесоюзной экономической дискуссии (по макету учебника политэкономии социализма) см. в: [Сталинское экономическое наследство 2017: 189–444].

² Об отсутствии у классиков марксизма и у Ленина экономической и детализированной политической концепции социализма в «постсоветской» литературе сказано очень много, и на этом останавливаться нет смысла. Но вот как оценивают учебник 1954 года советские ученые 80-х годов: в этом труде «новым словом была *система* политической экономии социализма. Там, где речь шла о системе политической экономии социализма, он явился изложением новой, созданной впервые крупной части политической экономии. Это было первое изложение первого научного опыта создания системы политической экономии социализма». — То есть к началу 50-х годов XX века теории социализма как таковой не было. — И далее, может быть, с некоторой иронией: «Учебник Института экономики АН СССР был создан в то время, когда социализм в нашей стране был в основном построен, но связи разных элементов системы социализма еще недостаточно обнаружались» [Развитие политической экономии 1981: 16–17]. Учебник 1954 года — монументальный труд, приводящий в восхищение многих исследователей даже и по сей день; своего рода сталинское политико-экономическое завещание.

как политический эквивалент бесклассового общества¹). Однако совершенно логично возникает вопрос: если коммунизм *намечается построить* через 20–30 лет, почему диктатура пролетариата считается «выполнившей свою великую историческую миссию»? Ведь в любом случае диктатура пролетариата — это государство переходного типа от капитализма к коммунизму, которое *занимает* «целую эпоху» и *завершает* свои задачи построением социализма как первой фазы коммунистического общества. Понятно, окончание «первой фазы» можно трактовать как угодно, в зависимости от задач «генеральной линии» (так и делалось), но все же очевидна сопряженность построения коммунизма (или того строя, который будет так назван) и завершения задач диктатура пролетариата; то есть «завершение задач диктатуры пролетариата» нельзя (или *нежелательно*) установить произвольно. Чего ради, в конце концов, так «небрежно» обращаться с марксизмом — неужели нельзя подождать 20–30 лет, и тогда *спокойно отменить* диктатуру пролетариата? — Так что как ни устанавливай сроки завершения фазы полного ли, окончательного ли, развитого социализма, «социализма в основном», «в целом» и т.п., — марксистская теория (догматика) «отставку» диктатуры пролетариата вплоть до построения (точнее, *постановления о построении*) коммунизма — не разрешает². Конечно, марксистско-ленинская теория, подобно эллинской философии с ее невероятно развитым языком, может обосновать если и не все, что угодно, то очень многое в сфере своего действия; однако именно в этой ее потенции заключается и опасность: неосторожное обращение с теорией может привести (и привело) к печальным последствиям (теория, говорил Сталин, это «очень хорошая штука», но только в умелых руках³), ибо марксизм — оружие, сохранение партийной монополии владения которым в течение долгого времени было невозможно. Поэтому следовало просчитывать теоретические ходы и новации с тем, чтобы предвидеть возможность использования марксизма противником уже против «мо-

¹ Тут можно вспомнить тезис об отмирании государства при коммунизме; так что если объявлен коммунизм, а государство все еще *действует*, то это и не коммунизм вовсе. Советские мыслители и пропагандисты ничего кроме риторики в качестве выхода из этого противоречия не могли предложить; впрочем, задача эта едва ли может быть разрешима, ибо поставлена она совершенно некорректным образом (не определено, что такое «коммунизм» в политическом смысле — марксизм предлагает разве что апофатику). Но можно предположить, что *будет* некая вводная фаза коммунизма, когда государство *еще* есть, но оно *уже* находится в состоянии истончения, рассеивания... (Впрочем, что ж говорить о коммунизме, если к созданию теории социализма партия приступила только в середине XX века.) В целом, говоря о *концепте коммунизма*, нельзя не согласиться с А.Н. Медушевским в том, что «юридическое (как и научно-политическое — А.Н.) определение коммунизма — задача, напоминающая попытки средневековых богословов обосновать признаки Божественной воли, стремление религиозных реформаторов юридически зафиксировать принципы праведного пути в строительстве теократии или попытки якобинцев утвердить квазирелигиозный культ Верховного существа» [Медушевский 2017: 449].

² В принципе, Программа партии 1961 года это противоречие разрешает тезисом о «коммунистическом обществе в основном», которое намечалось построить к 1980-м годам или позже. Формулировка срока предложена достаточно расплывчатая: «В итоге второго десятилетия (1971–1980 годы) будет создана материально-техническая база коммунизма... Таким образом, в СССР будет в основном построено коммунистическое общество» [Материалы XXII съезда 1961: 368]. — Оборот «в итоге» можно интерпретировать по-разному. Но диктатура пролетариата-то «отменена» уже в 1961-м!

³ «Теория — это есть законы развития общества и руководство к тому, чтобы, если старых законов не хватает, открыть новые. Это очень хорошая штука, уверяю вас» (цит. по: [Бранденбергер 2017^a: 455]).

нополиста» (партии). Если уж суждение вынесено авторитетным источником — то поделаться с этим ничего нельзя. Поэтому Сталин был так осторожен с новой программой партии.

III

Будь то отступление от марксизма, будь то творческое его развитие, но столь резкое изменение, каковым был тезис об «исчерпании диктатуры пролетариата» и ее перерастании в общенародное государство, — не должно быть произведено *внезапно*, без предварительных разъяснений, обсуждений, специфически организованных «сталинских дискуссий» и т.п.¹ В самом деле, в том, что касается доктринальных основ политического строя СССР, изменения были, можно признать, отчасти логичными и не отклонялись от линии, прочерченной уже в Сталинской конституции 1936 года и в решениях ряда партийных форумов (направление развития от классового общества к бесклассовому, с единой волей, общенародной собственностью и единым, всенародным государством — практически цicerоновское *res publica est res populi*²), но чересчур уж радикальными («уход» в прошлое диктатуры пролетариата и по сути признание самого государства «всенародной собственностью»), — поэтому слишком очевидной была нерешительность Сталина. Каковы, помимо вышеназванных, причины этой нерешительности, в чем суть колебаний и сомнений весьма и весьма решительного руководителя страны? Или же дело не в нерешительности Сталина, а в неокончателности, неудовлетворительности, дискуссионности самого проекта? В преждевременности введения всенародного государства? Тут следует вспомнить, какое значение Сталин придавал документам программного и манифестационного рода; насколько внимательно и требовательно он подходил к составлению таких документов (вспомним огромную работу, проделанную Сталиным при составлении Краткого курса истории ВКП(б)); и какое конкретно значение он придавал программе партии, и в чем он видел отличие программы партии от, допустим, конституции страны: «...Конституция не должна быть смешиваема с программой. Это значит, что меж-

¹ Впрочем, и здесь одно важное обстоятельство не может не быть принято в расчет: непросто представить, чтобы было выставлено на обсуждение и продебатировано «завершение миссии диктатуры пролетариата». Тезис о «всенародном государстве» — мог дебатироваться (при том, что сложно представить всенародное государство при сохранении догмата диктатуры пролетариата), а вот отмена диктатуры пролетариата могла «произойти» только «сверху», без каких-либо дискуссий, — как оно и произошло с «единодушным» принятием третьей Программы в 1961 году.

² Применить атрибут «всенародный», обычно (как и «общенародный») применяемый к социалистической собственности («всенародное достояние» — именно *res publica* в значении владения народом богатствами), было с идейной точки зрения ничему не сообразно. Государство как всенародное достояние — хорошо звучало по отношению к Риму, но не к советскому государству (вообще такая трактовка для всей истории России звучит нелепо). Но можно продолжить аналогии и предложить некоторые сопоставления. «Цицерон, — пишет А.М. Брагова, — основывает свою политическую теорию на тезисе о римской республике как идеальной форме правления. Республика в этом случае предстает как смешанная конституция, где *potestas* предоставлена магистратам, *auctoritas* — аристократам, *libertas* — народу» [Брагова 2016: 94]. Сталинская *res publica* на уровне конституции структурно может быть ранжирована так: *potestas* — советам, *auctoritas* — партии, *libertas* — все тому же народу. Понятно, что для Цицерона (равно как и для Сталина) «народное верховенство — лишь общий принцип, который остается в теории и допустим только в качестве фикции» [Брагова 2016: 95]. — См. также: [Алексеева 2012].

ду программой и конституцией имеется существенная разница. В то время как программа говорит о том, чего еще нет и что должно быть еще добыто и завоевано в будущем, конституция, наоборот, должна говорить о том, что уже есть, что уже добыто и завоевано теперь, в настоящем. Программа касается главным образом будущего, конституция настоящего» [Сталин 1945: 514].

Учитывая государствообразующую и руководящую роль коммунистической партии в советской стране, нельзя не признать, что программа партии для СССР — документ куда как важнее конституции: это — программа перспективного развития страны, манифест, определяющий способ существования и вектор ее развития. Но для того, чтобы «программировать» будущее страны («официально» на 20–30 лет, но на деле — даже и на бóльший срок), необходимо опираться на фундаментальный анализ как ее внутреннего состояния и перспектив, так и мировой обстановки в аспекте безусловно предполагаемых будущих изменений («исходить из будущего»). При этом в конце 40-х годов XX века относительно тенденций развития и страны и мира было много неясного — эти тенденции, собственно, не были до конца определены. «Программировать» то, «чего еще нет и что должно быть еще добыто и завоевано в будущем», как если бы это было наперед известно (а Сталин работал именно так); «смотреть вперед, а не назад», — неизмеримо сложнее и ответственнее, чем констатировать то, что уже достигнуто (пусть и с некоторыми преувеличениями).

Все было в процессе становления, до конденсации было не так и близко: из чего исходить, если исходить надо было из вещей фундаментальных, устоявшихся? Два лагеря, два будущих «глобальных блока», — по А.А. Жданову, «лагерь империалистический и антидемократический, имеющий своей основной целью установление мирового господства американского империализма и разгром демократии, и лагерь антиимпериалистический и демократический, имеющий своей основной целью подрыв империализма, укрепление демократии и ликвидацию остатков фашизма» [Информационное совещание 1948: 7]¹, — находились в стадии формирования: кто тогда мог точно знать, какие отношения будут выстроены? Единственное, что можно сказать, — это тот факт, что, согласно проекту, «политика Советского Союза в области международных отношений исходит из факта сосуществования и борьбы двух систем — социализма и капитализма и из практически доказанной возможности сотрудничества между государствами с различными общественными системами» [Проект новой программы 2016 web] = [Сталинское экономическое наследие 2017: 169].

¹ В том же ключе описывается международное положение и в тексте проекта Программы 1947 года: «После разгрома фашистских агрессоров центр мировой реакции переместился в Соединенные Штаты Америки... В итоге второй мировой войны создалась новая расстановка основных политических сил, действующих на мировой арене. Образовались два лагеря: с одной стороны, лагерь империалистический и антидемократический, имеющий основной целью установление американского мирового господства и разгром демократии, и, с другой стороны, лагерь антиимпериалистический и демократический, имеющий основной целью подрыв империализма, укрепление демократии и ликвидацию остатков фашизма. Основной ведущей силой империалистического лагеря являются США, поддерживаемые правящими кругами Англии и Франции. Основной ведущей силой антиимпериалистического лагеря являются Советский Союз и страны народной демократии» [Проект новой программы 2016 web].

Собственно, если обобщить всю мировую политическую динамику первой половины XX века, то можно констатировать, что вся политическая реальность начиная с конца 10-х годов и далее — вереница необычайно быстрых и плохо предсказуемых изменений, одной из важнейших причин которых было как раз становление СССР и рост его влияния в мире. Именно поэтому Сталин и партия так долго не могли переработать основной партийный документ; при том, что задания по составлению его проектов ставились неоднократно, а на XVIII съезде партии была даже сформирована комиссия по изменению партийной программы. Вполне возможно, что здесь же заключены причины откладывания созыва очередного съезда партии. (Конечно, при всем этом исследователя не может отпустить сомнение: зачем же тогда в 1947 году в срочном порядке создавать штаб разработчиков проекта, оперативно создавать окончательную версию и т.д.? Что такого стало ясно руководству страны, что в 1947 году все же были предприняты конкретные меры для составления проекта Программы и проект был сделан?)

Конечно, при всей «турбулентности» мировой политики конца 40-х годов была совершенно ясна тенденция к становлению двух мировых квазиимперских блоков — с собственными «столицами», мессианскими идеями, сателлитами и прочей имперской атрибутикой, так что вполне можно говорить о двух противостоящих империях¹. Поэтому «старая» идея мировой революции отвергается уже окончательно: длительный процесс отказа от нее, начавшийся в конце 20-х годов и организационно кульминировавший роспуском Коминтерна (1943), завершается как раз проектом всенародного государства (пусть даже и отправленным в архив). Совершенно ясно, что в смысловой континуум концепта всенародного государства не может не входить момент отрицания концепта «мировой революции», который плавно перемещается на периферийно-исторический фон и риторизируется. Всенародное государство, при всей торжественности и респектабельности термина, с геополитической точки зрения — государство по определению ограниченное, не предполагающее цели распространения себя вовне; причем тут можно усмотреть «двойное самоограничение» — со стороны народа и со стороны государства: оба этих понятия, при всей «расплывчатости» первого, включают в свой смысл достаточно строгие границы.

Созданный в 1947 году Коминформ предполагал работу по координации компартий разных стран не в интересах ушедшей в историю «мировой революции», а в интересах распространения влияния советского государства, вскоре ставшего центром советского блока². Компартии рассматриваются уже не как форпосты

¹ О равнозначности терминов «сверхдержава» и «империя» см.: [Рогов 2017: 57-61]. Сверхдержава ученый определяет как «империю с республиканской формой правления» [Рогов 2017: 61].

² Интересен в этом плане и другой ход Сталина — попытка использования православия для укрепления влияния в странах советского блока: «...В середине 1940-х гг. в СССР появился новый — беспрецедентный по масштабу — геополитический курс, который можно рассматривать как новую интерпретацию идеи “Москва — Третий Рим” и попытку ее реализации. Ввиду неизбежного переустройства глобальной геополитики по окончании войны, И. Сталин решил сделать ставку на Русскую Православную церковь. Целью было сделать ее проводником советского влияния на как можно большей по протяженности территории, в идеале — во всей традиционной православной ойкумене (как это было во время Византийской империи). Посредством такого геополитического решения Советский Союз как во время войны, так и после нее стал приобретать черты и свойства “Третьего Ри-

всемирной пролетарской революции, а как элементы воздействия на правительства зарубежных стран; страны же народной демократии стали внешним кольцом советской империи. Отсюда, видимо, и осторожные попытки Сталина нивелировать теоретическую и политическую значимость постулата диктатуры пролетариата, по принципу «не государство для марксизма, а марксизм для государства». В самом деле, не государству же советскому служить марксизму, а наоборот, марксизм должен быть поставлен — и был поставлен — в услужение государству (но это не означает, что с теорией можно обходиться как угодно). Можно предположить, что также и Хрущева с его единомышленниками могли вдохновить замыслы позиционировать сверхдержаву именно как общенародное государство, а не государство диктатуры пролетариата (прежде всего перед капстранами, «империалистами»); но они не учли опасности падения престижа СССР перед лицом стран социализма по причине как «разоблачения» культа личности, так и «отмены» диктатуры пролетариата; впрочем, осторожность вообще ни в каком виде не была свойственна Хрущеву.

1943 год для советской государственности и идеологии необычайно важен: тут и «самороспуск» Коминтерна, и ряд не столь громких, но кардинальных изменений, в числе которых — Поместный собор и избрание Патриарха Русской Православной церкви (обо всем этом см.: [Жуков 2017: 135–153]). Говоря словами Ю.Н. Жукова, в стране полным ходом шла «переориентация с прежних, классовых и интернационалистских позиций на общенародные, государственно-национальные». — Так «пышно зацвело древо исконного, насчитывающего не одно столетие русского государственного национализма или национальной государственности» [Жуков 2017: 142]. При этом, однако, «классовый подход» и «классовая риторика» не отменялись и не исчезали, хотя заметная корректировка марксизма была очевидна. Эта «государственно-национальная» тенденция развивалась в советском государстве ориентировочно с начала 30-х годов¹ — то есть примерно тогда же, когда получила импульс и «бесклассовая риторика». С середины 40-х годов *патриотизм* заметно потесняет *интернационализм* («пролетарский космополитизм», или «пролетарский глобализм»), но не заменяет его всецело; интернациональная риторика, во всяком случае, внутри страны, становится «фоновой» (принцип пролетарского интернационализма, можно сказать, подвергается *риторической утилизации*); а классовая — несколько (но не слишком сильно) сниженной². В самом деле, в интернационализ-

ма». Причем по сравнению с XIX в. геополитические планы СССР были намного масштабнее: от идеи ключевого положения в православно-славянском ареале произошел переход к идее Москвы как центра всего православного, а вскоре и всего христианского мира, противостоящего Ватикану [Клименко 2013: 125]. Об этом см. также: [Венгер 2000].

¹ Об этом см. книгу Д. Бранденбергера с довольно необычным в нашем контексте названием — «Сталинский руссоцентризм» [Бранденбергер 2017^b].

² Так, читаем у В.В. Кожина: «Чрезвычайно показательно, например, что сталинский “отчетный доклад” на XVII съезде партии, 26 января 1934 года завершался следующим утверждением: “Рабочий класс СССР есть часть мирового пролетариата... наша республика — детище мирового пролетариата”; между тем его доклад на XVIII съезде, 10 марта 1939 года... заключали рассуждения о советском *государстве*, которое полностью осуществляет “хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу” в стране. Что же касается “мирового пролетариата”, то Сталин тогда заявил: “...буржуазии... удалось в известной мере отравить душу рабочего класса ядом сомнений и

ме и классовом подходе сложно найти, если говорить словами А.М. Дубровского, «опору для политико-идеологического курса, направленного на возрождение российских имперских ценностей: патриотизма, великодержавия, идеи сильной России (т.е. сильного государства), идеи служения стране и пр.» [Дубровский 2017: 137].

В окончательном варианте проекта Программы 1947 года о ведущей роли русского народа в СССР сказано достаточно сдержанно: «Русский народ своей бескорыстной братской помощью ранее угнетенным нациям заслужил уважение и доверие всех народов Советского Союза и по праву занимает руководящее положение в семье народов СССР» [Проект новой программы 2016 *web*] = [Сталинское экономическое наследство 2017: 174]. В некоторых вариантах — более сильно: «Особо выдающуюся роль в семье советских народов играл и играет великий русский народ... Русский народ по праву занимает руководящее положение в советском содружестве наций. Великая передовая культура, созданная русским народом, и ее высшее достижение — ленинизм — являются важнейшим источником развития культуры всех других народов СССР» [Сталинское экономическое наследство 2017: 61]. По словам Дэвида Бранденбергера, хотя подобные *сильные тезисы* «вполне соответствовали официальной линии... они были отвергнуты Сталиным, который оставил загадочное замечание “Не то” на полях рядом с этими формулировками. ...Сталин возражал не против руссоцентристской направленности проекта в целом, а только лишь против столь яркого определения особого статуса русского народа» [Бранденбергер 2017^b: 265-266]¹.

К 1947 году «в партийно-государственной идеологии послевоенного времени великодержавие достигло своего пика. <...> Расцвета достигли культ сильного централизованного государства, вождизм, идея исторической преемственности СССР и дореволюционной России» [Дубровский 2017: 407]. Однако 1947 год — год кардинально важный и в отношении закладывания основ новой мировой политики (как год начала холодной войны): назовем лишь речь Трумэна 12 марта, с которой ведут отсчет действия новой глобальной доктрины США, и «наш ответ» — памфлет советского писателя Б.Л. Горбатова «Гарри Трумэн» (20 сентября), вызвавший нервную реакцию американской стороны (см. об этом: [Жуков 2017: 142]). Начало формирования мировых блоков требовало, по большому счету, конкретизации содержательных аспектов советской идеологии и политической догматики — великодержавность должна была вновь уступить лидерство марксистской, классовой риторике противоборства мирового социализма и мирового же империализма. Выходить на арену идеолого-политического противостояния, будучи центром советско-коммунистического блока, советскому государству следовало с признанным и апробированным идеологическим арсеналом — идеями марксизма, понятными и «для своих» (мировая система социализма), и для противников (мировая система капитализма); российские же имперские ценности, не

неверия”. И надеяться, по его словам, можно только на то, что “успехи рабочего класса *нашей страны*... послужат к тому, чтобы поднять дух рабочего класса капиталистических стран”, — то есть на зарубежный рабочий класс *как таковой* надежд нет...” [Кожин 2001: 175–176].

¹ О теоретическом столкновении в сталинском программном универсуме концептов русского народа и советского народа и о противостоянии в верхах в этой связи см.: [Кузнецhevский 2017: 62–91].

переработанные в марксистском формате «коммунистического мессианства» (но уже «не совсем» революционного), лучше было отложить. Видимо, поэтому в окончательном варианте проекта Программы 1947 года риторика великого русского народа сглаживается; но все с большим усилением делается упор на советский народ — весьма показательна здесь брошюра Д.Т. Шепилова 1950 года «Великий советский народ»¹.

Итак, учитывая внутривнутриполитическую идейную динамику СССР, а также противоречивость и неопределенность международной обстановки, логично предположить, что текст проекта новой Программы партии предполагался к широкому обсуждению — и пока оно шло бы (а это, возможно, год-полтора), проявилась бы и международная обстановка, в своих основных тенденциях, по крайней мере; исходя же из какой-либо ясности — уже можно «работать» с идейной сферой государства. Однако все это совершенно не отменяет основного вопроса, который вытекает из истории «партийного проектирования» конца 40-х годов: почему Сталин (в какой-то момент, во всяком случае) *был готов* заменить марксистско-ленинский постулат диктатуры пролетариата (точнее, рабочего класса²) на квазимарксистское, если не антимарксистское (в любом случае, резко контрастирующее с марксизмом) нововведение «всенародное государство»? Странное новаторство, ведь совершенно ясно, что идеи народовластия, народа-государя (суверена), всенародного/общенародного государства — весьма сомнительны, если не пагубны, в применении их к столь огромному и многосоставному государству, каковым являлся СССР³; так что даже и сталинский «культ политической централизации» [Дубровский 2017: 400] вряд ли был способен самортизировать издержки «всенародной риторики».

Для советской сверхдержавы — а после 1945 года, если не раньше, не было сомнений в том, что в лице СССР на сцену истории *выходит* именно сверхдержава, или империя (об этом см.: [Рогов 2017]) — на внутреннем уровне более конструктивными были политические идеи и догмы, содержащие принципы иерархизма (та же система «партия — диктатура пролетариата — пролетариат — трудящиеся —

¹ Этот небольшой сборник статей — практически гимн советскому народу. Утверждается единство советского народа и государства, народа и партии. Книга интересна тем, что в ней — поскольку автор был одним из составителей проекта партийной Программы 1947 года — проскальзывают знакомые мотивы, напоминающие о всенародном государстве: так, к примеру: «Рожденный Великой Октябрьской социалистической революцией, советский общественный строй является подлинно народным строем»; «Советский строй является строем подлинного народовластия» [Шепилов 1950: 9, 22].

² В своем докладе «О проекте Конституции Союза ССР» в термине «диктатура пролетариата» Сталин заменяет слово «пролетариат» на словосочетание «рабочий класс». Обоснование по виду логичное: «Взять, например, рабочий класс СССР. Его часто называют по старой памяти пролетариатом. Но что такое пролетариат? Пролетариат есть класс, лишенный орудий и средств производства...» и т.д. — Далее, подводит итог Сталин: «Можно ли после этого назвать наш рабочий класс пролетариатом? Ясно, что нельзя» [Сталин 1945: 510–511]. Не ясно, стоило ли менять слова?

³ Как и Российская империя! Тут можно вспомнить и Пестеля, который говорил: «Стоит только вспомнить, из каких разнородных частей сие огромное государство составлено. Области его не только различными учреждениями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсем различные языки говорят, совсем различные веры исповедуют, жители оных различные происхождения имеют, к различным державам некогда принадлежали...» (цит. по [Парсамов 2010: 229]). — «Жан-Жак Руссо, — восклицает Олар. — Этот теоретик верховной власти народа, этот поклонник Женевской республики, требует республики только для небольших государств...» [Олар 1938: 13].

советский народ», так сказать, «пролетарский иерархизм»), внедрять же «всенародные идеи» даже на уровне политико-пропагандистских фикций было довольно-таки рискованно. Сталин, просчитывающий последствия своих решений и нововведений, *особенно в сфере теории*¹, на такой риск и не пошел; также и команда советского руководства, отправившая в отставку Хрущева, по причине предельного руссоизма проекта Конституции 1964 года, не смогла найти этому проекту лучшего места, чем архив. Ведь когда народ — верховный правитель и, будучи выше законов, сам — законодатель, обладатель власти (пусть даже на бумаге), — тогда роль любого правительства становится несубстанциальной, функциональной: правительство может быть заменено, а форма власти — изменена согласно воле истинного властелина, народа. Рано или поздно эта «фикция» может обрести жизнь — сама ли по себе, с постепенным изменением общественного мнения, или же с иностранной «помощью», не так важно. Так и Екатерина Великая с крайним подозрением относилась к идеям «Общественного договора» Руссо.

...К XIX съезду многое прояснилось, определилось — были установлены основные постулаты экономической теории социализма, внесена ясность в марксистское языкознание, оформились и «тенденции мирового развития» — уже вовсю шла холодная война (все эти изменения несложно было отразить, откорректировав «международную» часть проекта Программы); на самом съезде изменилось даже название партии, — однако же проект 1947 года так и остался в архиве². Для Сталина, надо полагать, было (или стало?) ясно, что введение в советский идеолого-теоретический марксистский корпус принципа всенародного государства, который необходимым образом предполагает «преодоление» диктатуры пролетариата, — или обязывает к прорыву в теории, к ее «сверхтворческому» развитию; или же ведет к превращению марксизма в некий вид руссоизма (марксизм без диктатуры пролетариата). (При этом нет сомнений, что именно эти два тезиса — *преодоление* диктатуры пролетариата и *введение* всенародного государства — стали камнем преткновения. — Или, точнее, только первый тезис: ведь, в принципе, догмат диктатуры пролетариата можно было и сохранить, постулировав *всенародное государство диктатуры пролетариата*; марксистская диалектика вполне бы это позволила.) Команда Хрущева пошла на «прорыв теории», но скатилась даже не в руссоизм, а в пустую риторику; отставка Хрущева попросту прекратила «марксистско-русссоистские» эксперименты. Команда Брежнева нивелировала, еще более «риторизировала» принцип общенародного государства, который стал инородным и малосущественным элементом идейного каркаса марксистско-ленинской теории в СССР и суще-

¹ Сталин не только просчитывал последствия, но также инспирировал их и контролировал. Поэтому-то последующие руководители, равно как и теоретики, и находились, если вспомнить удачное выражение А.В. Пыжикова, «в плотной оболочке сталинских постулатов» (или оставались «в сталинской шинели», как метко сказал Михаил Делягин).

² На XIX съезде партии в который уже раз «было принято решение о переработке программы Коммунистической партии Советского Союза. Для переработки программы была избрана комиссия» [КПСС в резолюциях 1953: 1097]. — Как если бы «Проекта-1947» не существовало, четьре, если не больше, группы разработчиков ничего не сделали, и итоговый вариант не был составлен!

ствовал в риторике¹, не оказывая того влияния, которое он мог бы оказать при серьезном развитии. В итоге, если не брать в расчет проект Конституции 1964 года, «ни одна из советских конституций не закрепляла принципы народного суверенитета, восходящего терминологически и содержательно к Древнему Риму» [Алексеева 2012: 34].

IV

Всенародное государство, *res publica* Сталина; или общенародное государство, в котором, как говорит Т.А. Алексеева, «присутствовал смысл римской *res publica*» [Алексеева 2012: 34], — что это, очередной прием для придания государству респектабельности на международной арене? Что такого ценного было в этой идее, отсылающей в Древний Рим, в этом «постулате», будто бы навеянном чтением *Contrat Social* Жана-Жака Руссо, — что вождь Страны Советов был готов совсем уж творчески «откорректировать» марксизм (при том, что, конечно, «не государство для марксизма, а марксизм для государства», слишком резкие движения в сфере идеологии вряд ли могут быть полезны для государства)? То, что Сталин хорошо знал римскую историю, не представляет сомнений; но истоки «всенародного государства» находятся не в Риме, пусть даже туда и ведут все дороги. Наметить решение проблемы оснований и интуиций этой сталинско-ждановской максимы можно, если рассмотреть куда как более близкую и к марксизму, и к СССР, и к политическому мировоззрению Сталину (и Жданова) доктрину и умозрительно-рационалистический конструкт (*raisonnements hypothétiques et conditionnels*), равно как и, по выражению Д.В. Философова, «поразительной яркости лозунг»², — народа-суверена и *volonté générale* Жана-Жака Руссо.

Volonté générale — общая, генеральная, или интегральная воля, *политическая энтелехия* народа (как партия — политическая энтелехия пролетариата), своего рода генеральный вектор движения и развития государства. Если государство — общенародное, то единственный источник государственной власти и права, обладатель суверенитета — народ (*le Peuple est seul détenteur de l'autorité souveraine*)³.

¹ Пролетариат остался ведущим классом, авангардом и т.п., и его роль постоянно повышалась; партия осталась авангардом пролетариата, но к этой «функции» добавилась еще и «функция» авангарда всего народа (одновременно), роль партии также постоянно повышалась. — «В настоящее время КПСС сочетает в себе классовые и общенародные черты, являясь в одно и то же время партией рабочего класса и авангардом всего советского народа» [Реальный социализм 1977: 76]. — Ясно, что это не теория, а риторика.

² Д.В. Философов пишет: «В методе своем Руссо следовал заветам рационализма, традициям схоластики. По существу же Руссо был отнюдь не рационалист. Это — человек чувства и воли. “Общественный договор” ценен как поразительной яркости лозунг, как новое волеустремление» [Ж.-Ж. Руссо 2005: pro et contra: 396]. П.И. Новгородцев говорит о принципе народного суверенитета: «...Трудно согласиться с тем, чтобы это была идея простая, но нельзя не признать, что своим могущественным влиянием она в значительной мере была обязана тому упрощению, которое получила у Руссо. Эту идею, столь же древнюю, как и политическая наука, он представил в яркой и увлекательной форме, способной зажигать сердца; он придал ей обаяние торжественного и священного лозунга, призванного переродить мир» [Новгородцев 1996: 23].

³ Так, в диссертации советского ученого говорится: «...Подлинная реализация принципа народного суверенитета возможна лишь в таком обществе, где трудящимся классам, народу принадлежат не только все политические права, но и все общественные богатства. Применительно лишь к такому обществу и можно говорить о действительном самоуправлении народа, в чем, собственно, и заклю-

Конечно, политико-теоретический конструкт, практически догмат всенародного государства мог быть переработан, переинтерпретирован в разных ключах, и тем более «переформатирован» в совершенно разные идеологические конструкции, в зависимости от требуемой интенсивности общественной мобилизации (от спокойной-величавой незыблемости римской *res publica* до сжатой пружины, готовой к немедленному действию *volonté générale* народа-суверена). Видимо, эти потенции *понятия* всенародного государства могли прельстить Сталина — «диктатура пролетариата» все же менее «была способна» поддаваться переинтерпретации в нужном ключе (например, «демократическом»).

Если в конце 40-х годов вопрос о новой Конституции (перспективно, в связи с кардинальными изменениями в проекте Программы партии) поставлен не был¹, то в проекте Конституции СССР 1964 года, следующем вслед за новой Программой 1961 года, сказано: «Вся власть и все богатства в СССР принадлежат народу. Народ — единственный источник власти в СССР, верховный законодатель и верховный правитель» [Конституция СССР 2002: 399]. — Неизбежно создается впечатление (особенно в сравнении с выверенными, осторожными формулировками Конституции 1936 года), что источником вдохновения для составителей проекта Конституции-1964 были непосредственно пассажи Руссо о народе-суверене (*Peuple souverain*), «народе-самодержце», народе-государе². — Руссоистские потенции, имплицитно заложенные в самом концепте общенародного государства, проявляются в тексте проекта Конституции-1964 в полной мере; однако не следует забывать, что этот проект продолжает развитие постулата всенародного государства, предложенного, но не принятого в 1947 году (при том, что разработчики о нем знали).

Отношения политической мысли Руссо и социализма, в особенности Руссо и марксизма — темы довольно-таки благодатные для исследования³. На этот счет существует немало мнений, а в XX веке, во второй половине его, разразилось немало и дискуссий. Так, в эту полемику включились коммунистические теоретики Италии, принадлежащие к школе Гальвано делла Вольпе, — прежде всего ученик Г. делла Вольпе — Лючио Коллетти, и в некоторой степени Умберто Черрони;

чается истинный смысл принципа народного суверенитета» [Чернобель 1970].

¹ И здесь можно вовсе не принимать в расчет некоторые попытки обновления Сталинской конституции, предпринятые в 1946 году с участием все того же Жданова (эта работа увенчалась принятием новой редакции Конституции — от 25 февраля 1947 года).

² Но можно при желании увидеть здесь и Цицерона, для которого «народ — господин над законами, правосудием, над делами мира и войны, над правами гражданина и его имущества» [Брагова 2016: 95].

³ Существует и иной подход — «обоснование» некоей преемственности Руссо и «тоталитаризма». Особо выделяется в этом плане Джейкоб Лейб Талмон (1916–1980), автор знаменитых некогда «Истоков тоталитарной демократии» (1952). По логике Талмона, политический мессианизм XVIII века, восходящий к мысли Руссо, как теория и практика, исходит из постулата, что история имеет свою цель, и ее необходимо достичь; воплощением и триумфом политического мессианизма является «сталинский тоталитаризм». — В частности, Талмон говорит: «Высшим критерием для Руссо является обращенная во вне всеобщая, или общая, воля, которая в основном обозначает естественный гармоничный порядок. Увязав эту концепцию с принципом народовластия и народного волеизъявления, Руссо породил тоталитарную демократию»; «Суверенитет с позиции тоталитарной демократии неделим. Что же касается абсолютного монарха, то на его место Руссо ставит народ» (см.: [Талмон 1993]).

также Валентино Джерратана. Обращаясь к сопоставлению руссоистского понимания народного суверенитета и современных тенденций развития демократии, некоторые итальянские исследователи противопоставляли прямую, «антипредставительную» демократию Руссо–Маркса — либеральной представительной демократии. Г. делла Вольпе определяет свой подход как «направление Руссо–Маркса–Ленина» — это последовательность учений о свободе как равенстве в *государстве*¹. По мнению ученика Г. делла Вольпе — Лючио Коллетти, заслуга Руссо как предшественника Маркса и Ленина состоит в критике принципа представительства и в постулировании теории народного суверенитета. Лючио Коллетти отрицал гегельянские истоки марксизма ввиду невозможности материалистической интерпретации гегелевской диалектики; в качестве фундаментальных источников марксизма он рассматривал философию Канта и политическую философию Руссо. Историк западного марксизма Перри Андерсон пишет: «В Италии Делла Вольпе и его школа критиковали гегелевскую философию, заявляя, что мысль Маркса представляет собой полный разрыв с Гегелем. <...> Однако именно ученик Делла Вольпе Коллетти написал крупную в рамках западного марксизма систематизированную работу, направленную против гегельянства. Это была книга “Гегель и марксизм”. <...> Коллетти утверждал, что подлинным философским предшественником Маркса был не Гегель, а Кант. <...> Точно так же, по мнению и Делла Вольпе, и Коллетти, в своей политической теории Маркс, не сознавая того, опирался на труды предшественника — Руссо» [Андерсон 2016: 95–96]².

На каком историческом фоне создает Руссо свою концепцию, в чем заключалась ее ценность для истории политической мысли? Какие цели преследует теоретический гений великого политического мыслителя, какие ставит задачи и как их разрешает? Почему концепция народовластия оказывается востребованной именно в ее разработке Руссо, ведь подобные идеи едва ли были новым словом в философско-политической мысли, — как французской, так и мировой³? Понятно, что серьезно говорить о народе как властителе и законодателе имеет смысл или когда государство сильно, или же когда оно находится перед началом больших изменений. В мысли Руссо фиксируется преодоление сословного разделения, ставшего в середине XVIII века явным тормозом на пути развития в стране, где, по словам Герье, «сословия были не только общественными группами, но политическими подразделениями народа» [Герье 2011: 147]. Когда разделительные барьеры начинают преодолеваться, устанавливается в некотором смысле политическая одно-

¹ См., в частности: [Colletti 1974]; [Volpe 1962]; также о спорах итальянских исследователей «вокруг Руссо и Маркса» см.: [Алатри 1971].

² Что касается слов «не сознавая того», то в этом практически любой марксист вправе возмутиться. Как! Маркс испытывал влияние Руссо, и даже не сознавал этого? И это Маркс, ученый, особенно внимательный ко всему в истории мысли, что касается влияния, воздействия!

³ «Идея народовластия, — говорит Герье, — встречается и в другие исторические эпохи и уживалась с различными формами правления. В самой Франции она была известна уже с XV века... и однако не служила при этом отрицанием власти французских королей. Только когда эти короли отказывались руководить Францией на пути политического прогресса, принцип народовластия принял во Франции враждебный монархии оттенок и сделался боевым орудием литературы и публицистики в борьбе с монархией. Этим между прочим объясняется успех, который имели политические теории Руссо, изложенные в его *Contrat Social*» [Герье 2011: 75].

родность, единство — тогда и обретают силу идеи народа-государя (или «народа-государства»), *volonté générale* и пр. — как общественного синтеза на новой основе, как основание нового принципа единства государства. Но установление этого постулата должно быть произведено сильно, радикально, без оговорок, — именно так, как это и делает Руссо, ненавидящий «политические подразделения народа» (как, впрочем, и советские идеологи *бесклассового общества*), в свой, по его же словам, «беспокойный и мятежный век, когда все меняется через каждое поколение» (цит. по: [Занин 2007: 349]). — «Руссо никогда не останавливался на полпути, — говорит Ромен Роллан. — Он не привык шутить с мыслью. Он был до ужаса серьезный человек» [Роллан 1958: 618].

«Народ в смысле наличной массы становится у Руссо непосредственным источником государственной власти и потому провозглашается *государем* (*souverain*). <...> Верховная власть, которую он облекает народ, перестает быть идеальным правом и превращается в реальную, постоянную функцию, в законодательную власть. Эту власть, которую Руссо присваивает своему новому государю-законодателю, абсолютна в самом обширном смысле этого слова. Он признает эту власть неотчуждаемой, неделимой, неограниченной ни по отношению к имуществу, ни к жизни, ни даже к совести граждан, и в довершение всего непогрешимой» [Герье 2011: 399]. — Эту идею категорически не принимал Бенджамен Констан, наблюдавший последствия ее «применения»: «По мнению Констан, идея суверенитета народа, несмотря на вводимую им свободу, создает условия для возникновения тирании и деспотизма нового типа, более широкого, нежели тирания Старого порядка. Основной феномен революции состоял в уничтожении политических институтов, основанных на наследственной передаче власти и освященных Богом, в переходе власти в руки народа. Но эта власть, так хорошо обрисованная в теории, в руках взявших ее людей оказывается зыбкой и всегда готовой ускользнуть. Таков формулируемый Константином парадокс революционной демократии: народ-суверен в высшей степени подвержен опасности отчуждения суверенитета» [Федорова 2004: 128].

Казалось бы, с тех теоретических высот, которых достигал политический разум Руссо, поднимаясь над реальностью и устремляясь в Древний Рим и Элладу, совершенно уже не просматривалась эта реальность (хотя сам Руссо, настаивающий на применимости своих обобщений, вряд ли согласился бы с этим утверждением). Однако при всей своей возвышенности над реалиями понятие суверенитета народа и особенно квазимистическая *volonté générale*, «сущность суверенитета» (*la volonté générale est l'essence de la souveraineté*), выражают глубокие политические интуиции Руссо, равно как и мистические глубины самой политики и истории¹.

¹ Так, например, по словам Новгородцева, при всех противоречиях идеи *volonté générale* в мысли Руссо, равно как и противоречиях в обществе (отражением которых во многом, собственно, и стали идейные противоречия, как это обычно бывает), — «сколько бы мы ни говорили о классовой вражде, о противоречии общественных интересов, нельзя уничтожить этого факта, что пока народ представляет собой известное единство, в нем живет сознание общей связи. Глубочайший смысл учения Руссо заключается именно в том, что в наличности этого сознания оно усматривает основу существования государства» [Новгородцев 1996: 39]. Иными словами, как бы подводит итог Новгородцев, *volonté générale* имеет «*некоторое идеальное бытие*» [Новгородцев 1996: 139].

Стоит предположить, что именно мистики ему и не хватило: рационализм оказал мыслителю не самую лучшую услугу. Достаточно было совместить *volonté générale* с духом народа, его судьбой в истории, чтобы концепция озарилась новым светом. Руссо не хватало того *чувства мистики*, той уверенности в сопряжении мистики и политики, которым обладал поэт и политический мыслитель из другой эпохи Шарль Пеги (1873–1914) — именно ему принадлежит знаменитая и, пожалуй, неожиданно актуальная в применении к Руссо максима «социальная революция будет моральной или ее не будет вовсе»¹. Рационально «обоснованная» уверенность в своей полной правоте не позволила Руссо также и критически поставить вопрос о применимости своей теории народного суверенитета, о последствиях такого применения (возможно, здесь сказалась не критическая оценка античных политических образцов; впрочем, «свобода древних» с подачи Руссо и Мабли прельщала и якобинцев, и Пестеля), — примерно так же, как он поставил проблему последствий применения закона², и это при том, насколько высоко ставил Руссо законы в отношении к народу-суверену и его *volonté générale* (собственно, законы — это сфера исключительного действия этой единой с народом-сувереном сущности; *volonté générale* — мистический источник закона³).

В образ народа-суверена, практически народа-государства, вкладывается — как создателем, так и воспринимающими политиками и мыслителями, современниками и последователями, — некое «сверхусиление референции», создание нового мощного и (квази)ясного источника государства и права. В.И. Герье прочитывает эту важнейшую интуицию Руссо так: «Вместо слабой ветхой власти, задерживаемой в своей деятельности тысячами легальных преград и протестов... представлялся образ власти великой и мощной, потому что она основана на совокупной власти всех, — власти, имевшей в виду только всеобщее благо, ибо она служила выражением общего разума — власти, действия которой не могли нарушить ничьих интересов, ибо она представляла собой общую волю» [Герье 2011: 313]. Принцип народовластия представляется Герье, с одной стороны, своего рода орудием истории, сметающим «старый порядок» во Франции; с другой, как было сказано, новым императивом государствостроения. Если первый смысл не был актуален для СССР эпохи Сталина (российский «старый порядок» уже сметен), то второй — актуален вполне: народ как источник власти соответствовал бесклассовому обществу, которое, согласно советским установкам и решениям, строилось, устанавливалось в СССР начиная с 30-х годов. В самом деле, народ-суверен, преодолев классовое разделение и распри, не может не быть относительно однороден (идея

¹ См.: [Пеги 2001]; [Тайманова 2006].

² «Легче легкого, если угодно, утвердить лучшие законы. Однако невозможно создать такие законы, которыми не злоупотребляли бы люди, подверженные пристрастиям... Предвидеть и оценить все будущие злоупотребления, вероятно, вещь невозможная для самого искушенного государственного деятеля. Поставить закон выше человека — это задача в политике, которую я сравниваю с задачей о квадратуре круга в геометрии» [Руссо 2013: 400].

³ Кардинальная роль законов в жизни государства — это общая интуиция всей политической мысли Запада XVIII века: так, Г.В. Плеханов утверждает, что «писатели XVIII века, по большей части, твердо верили во всемогущество законодательства. Они говорили: “C’est la législation qui fait tout”... А под законодательством они понимали прежде всего политическое законодательство, относящееся к государственному строю» [Ж.-Ж. Руссо: pro et contra 2005: 441].

равенства Руссо и коммунистов). Если открыть партийные документы тех лет, можно удивиться, насколько настойчиво проводилась идея бесклассового общества, — сталинская фикция, по каким-то причинам, не сводимым к марксистской теории, представлявшаяся необычайно важной для него (впрочем, нельзя исключить, что принцип бесклассового общества был своего рода «преамбулой» для «введения» всенародного государства, теоретическим «подведением» к нему, — уже в начале 30-х годов).

Построение бесклассового общества в качестве насущной задачи обозримой перспективы было директивно поставлено на XVII Конференции ВКП(б) (1932): «...Основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию... превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества» [КПСС в резолюциях 1953: 693]. Последующие партийные форумы усиливают эту задачу и констатируют успехи по ее достижению: так, на XVIII съезде (1939) устанавливается, что «окончательно ликвидированы все эксплуататорские классы, полностью уничтожены причины, порождающие эксплуатацию», — и «социалистическое общество в СССР состоит теперь из двух дружественных друг другу классов — из рабочих и крестьян, грани между которыми, а также между этими классами и интеллигенцией, стираются, постепенно исчезают» [КПСС в резолюциях 1953: 879–880]. Различия остаются, но перестают иметь значение *неравенства*, и так в теории достигается сущностное единство советского народа, в котором уничтожены все «политические подразделения народа» и которое политически эквивалентно единому всенародному государству.

Бесклассовость, направленность на «стирание граней» (ликвидацию «политических подразделений народа») была для партийных теоретиков возможным основанием единства народа, — может быть, даже единственным *теоретическим* основанием постулирования единства в многонациональном государстве. Понятно при этом, что ни о каком «единстве советского народа» в *реальной* жизни не могло идти и речи: слишком уж многосоставным было советское государство; так что фикция всенародного государства могла обрести бытие разве что в сфере идеологии и пропаганды. Основное затруднение для Сталина — то, что советский народ не обладал, да и не мог обладать тем единством, на которое могла бы опереться теория, во всяком случае, в спокойное время, при отсутствии мобилизующих факторов и решений. Время же мобилизации сил — всегда ограниченное, длительное пребывание в этом состоянии невозможно; только вождь уровня Сталина и мощная идеологическая система могли продлить этот период на более долгий срок, но — увы — не вечны и вожди, умирают также и идеологии...

V

«Образ власти великой и мощной, потому что она основана на совокупной власти всех» (Герье), нарисованный Руссо, вполне оправдывал усиление государства, даже и сверх возможных пределов. Не так ли обстояли дела советского государ-

ства, что, учитывая начинавшееся около конца 40-х годов глобальное блоковое противостояние, потребовалась более «сильная», чем пролетариат, *фундаментальная референция* власти? «Равенство во власти», народ как «источник власти», «народ-государь», — были тем более ценными постулатами, что их использование на фронтах начавшейся идейной войны, с одной стороны, оправдывали советскую централизацию, с другой — придавали советскому государству необходимый в качестве орудия идеологического противостояния демократизм. И вправду, одно дело для наших идеологических противников — обвинять руководство, партию, Сталина; другое — сам народ, сущность, со времен и стараниями Руссо священную для Запада. Равно как и для советских руководителей — одно дело говорить от имени пролетариата, иное — от имени народа; признавая не классовый (для Запада — практически анахронизм), но всенародный характер власти.

О связанности советского «бесклассового конструирования» с идеей народовластия уже было сказано. Теперь следует остановиться на партиях и партии. Единство Руссо — это простое единство: мыслитель исключает иерархию, сословность, классы, систему представительства, фракционность, партийную борьбу. Народ законодательствует только «лично», отвергая «услуги» посредников. «Тотальный демократизм» Руссо, доводящий идею народовластия до ее логического завершения, враждебен к любого рода «партийному руководству». Партии, фракции и пр. — выражение расколотости, разделенности общества на классы, «политические подразделения», в существовании которых Руссо видит непреодолимое препятствие для действия генеральной воли народа (да и, собственно, для существования самого народа-суверена как некоего интегрального единства). — «Воля всякой партии есть частная воля, которая не может иметь притязаний на владычество. Поэтому как скоро в государстве допускаются частные товарищества и борьба партий, так общая воля исчезает» [Чичерин 2008: 216]. Мыслитель не может допустить, чтобы на смену старых сословий и корпораций пришли партии, сильно их напоминающие.

Партия в советском государстве представляет важнейшее препятствие для всенародного/общенародного государства, и это было очевидно для Сталина и куда как менее очевидно для теоретиков третьей Программы КПСС¹. Казалось бы, следует положить обратное: партия в советской стране как раз-таки была силой, *исключающей* противоречия между классами (дружественными), тем более между любыми «частными товариществами», слоями, группами и пр. (то есть *не совсем* партией в западном понимании). Почему же партия, органично составляющая ведущую силу государства диктатуры пролетариата, совершенно не вписывается в

¹ Советская «апология» одной властвующей партии, идущая от Сталина, по принципу «нет классового противоречия — нет и необходимости для нескольких партий», «единство народа — одна партия» и т.п. в любом случае не могла «работать» долго: возникает вопрос, а зачем в принципе в бесклассовом обществе (декларируемая ближайшая цель) нужна партия, если народ — источник власти? Хотя на деле она не просто необходима, но является основой всей конструкции — умная партия как умная сила («вооруженная марксистско-ленинской теорией»), пронизывающая весь народ и скрепляющая его. — Так, авторы книги «Подлинная история РСДРП...» используют удачное выражение «партийный обруч» [Измозик et al. 2009: 364]. Но для западной политической философии и теории (партии — представительство классов — борьба классов) подобные постулаты совершенно непонятны, как если бы были высказаны на незнакомом языке.

догмат общенародного государства, почему диктатура пролетариата *логично* отменяется с «наступлением» общенародного государства? Дело в том, что партия в советском государстве выстраивает и опирается на иерархическую систему «народ — авангард народа = пролетариат — авангард пролетариата = партия — ЦК партии = *авангард партии* (или, словами Сталина, ее *ареопаг*, в котором сосредоточена вся мудрость партии)», на «пролетарский иерархизм», о котором уже было сказано. Ясно, что иерархизм, являющийся преодолением разделенности общества, не может быть принят в любой политико-философской доктрине, отдающей суверенитет народу и полагающей преодолением «политических позразделений» не установление иерархии, но народное собрание (форум, агору). Доктрина Руссо в этом ключе — особо показательна.

Одна партия для руссоистской «системы» самодержавия народа — еще хуже, чем несколько партий: самодержавие народа в этом случае не то чтобы «дезауируется», но скорее просто отменяется, ибо эта партия неизбежно становится над народом, приобретает силу, которая будет поставлена *над* *volonté générale* «народа-суверена», или, собственно, и «будет» ею (в теории ли, на практике). Ясно, что о «народном суверенитете» речи уже быть не может, и так существование и действие *одной партии* как «руководящей и направляющей силы» не может быть совместимо с какой-либо формой «всенародного» («общенародного») государства, «всенародной» (*générale*) волей «непогрешимого» народа, ибо воля и сила партии, являющаяся *государственной волей*, необходимым образом будет больше воли и силы народа; партия станет единственным выразителем, а значит — обладателем — этой воли народа («народ и партия едины»).

Итак, ни существование партий, ни *правление* одной партии не может быть оправдано в руссоизме. Это совершенно логично, также и потому, что любое правление для Руссо — не более чем отправление, как бы мы сказали, менеджерских функций (по Руссо, поручение — *une commission*); любое правительство для Руссо «технократично» по своим задачам и функциям, ибо правительство в его «системе» — это «всего лишь поручение или должность; исполняя его, члены правительства, будучи простыми служащими, назначенными суверенной властью, осуществляют от своего имени власть, носителями которой они стали, и суверен может, когда ему угодно, ограничить, изменить или снова взять в свои руки эту власть, а отчуждение такого права несовместимо с природой общественного организма...» [Руссо 2013: 164]. В этом пункте учения Руссо особенно ясно видно, что выдающийся мыслитель с его *People souverain* и *volonté générale*, хотя и поднимается над западным пониманием государства, но тем не менее не преодолевает его «гравитации»; равным образом он не мог поставить проблему *возможного соотношения* *volonté générale* народа-суверена и отдельной выдающейся личности правителя (сугубо политического деятеля, то есть вождя, а не платоновского «божественного законодателя»), олицетворения *People souverain*. — Ведь если «правит народ», то кто правит на самом деле? Кроме вождя (или «группы вождей»), предложить нечего.

«Технократизм» Руссо неприемлем для советского государства, которое, если вспомнить полные энергии строки из проекта партийной программы 1947 года,

«является выражением силы, воли и разума народа» (то есть равнозначно *volonté générale*, если не выше; и при этом во главе государства стоит выдающаяся личность, *олицетворяющая* его), при том, что в СССР достигнуто «невозможное в условиях эксплуататорского строя единство государства и народа» — да и для советского *понимания государства*, как и понимания государства в истории России, где власть, «правительство», государство — неотделимы друг от друга (тогда как «приказчики» народа-суверена Руссо могут иметь собственные интересы, отличные, если не противоположные, интересам «хозяина»). Принцип широкого участия народных масс в законотворчестве в СССР был бы, безусловно, одобрен женеvским мыслителем (и даже привел бы его в восхищение¹); тогда как непосредственное участие народа в политике, развиваемое партией ориентировочно с середины 30-х годов (и отнюдь не только декларативно), с Конституции 1936 года с ее преодолением классовых ограничений; постоянное подчеркивание участия народа в управлении советским государством в дальнейшем (конечно, не только *подчеркивание*, но и комплекс мер по проведению этого принципа в жизнь), — все это привело бы Руссо в замешательство. Более того, принцип широкого участия народа в политике довольно резко контрастирует с «менеджеральной», или «комиссарской», трактовкой правительства у Руссо.

Ключевым «маркером» различия конструкции Руссо и сталинской (да и всей советской) модели является наличие/отсутствие доверия народа к *своему* правительству, к *своему* государству. У Руссо народ-суверен, при том, что сам править не может принципиально, испытывает, тем не менее, «фундаментальное недоверие» к «своему» правительству; советское же государство (равно как и сменяющие друг друга в нем *правительства*) базируется на доверии народа (причем отнюдь не только в теории и риторике). Филип Петтит, говоря об истинном республиканизме (близком в его интерпретации к советской практике, но не теории, правления)², противопоставляет популистский и республиканский подходы правления, подчеркивая, что «согласно популистскому образу правления, народ — господин, государство — слуга, а согласно республиканскому образу, народ — доверитель, государство — распорядитель» [Петтит 2016: 44]. При этом, с точки зрения Ф. Петтита, логично, что «с точки зрения республиканизма непосредственная демократия часто играет весьма неприглядную роль, поскольку может приве-

¹ И относительно Конституции 1977 года он вместе с Брежневым мог бы воскликнуть: «Именно весь советский народ стал подлинным творцом Основного закона своего государства» [Брежнев 1977: 33]. Впрочем, восхитившись первым предложением ст. 2 этой Конституции — «Вся власть в СССР принадлежит народу» — Руссо с сомнением отнесся бы ко второму: «Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР».

² О республиканской традиции современный мыслитель говорит так: «Сама традиция берет начало в классическом Риме и связана, прежде всего, с именем Цицерона. Она была воскрешена в эпоху Возрождения, проявившись в полной мере в конституционной мысли Макиавелли... <...> Среди выдающихся представителей современной республиканской традиции — Гаррингтон, Монтескье и, возможно, Токвиль; к ней следует причислить, конечно, и Руссо, хотя, по-моему, это можно сделать только при условии не-популистской интерпретации его взглядов» [Петтит 2016: 57]. «Не-популистски» трактовать Руссо с позиции Петтита можно, видимо, при учете следующего обстоятельства: «С республиканской точки зрения правильно составленный закон сам конституирует свободу»; «...Законы государства, законы республики творят свободу, которой пользуются граждане» [Петтит 2016: 82].

сти к крайней форме произвола — тирании большинства», поэтому «хотя республиканская традиция ценит демократическое участие и придает ему большое значение, она не считает его фундаментальной ценностью» [Петтит 2016: 41-42].

ЛИТЕРАТУРА

[Алатри 1971]: *Алатри П.* Изучение политических взглядов Руссо в Италии // Французский ежегодник—1969. М., 1971. С. 307–325. (Pdf-версия: vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm).

[Алексеева 2012]: *Алексеева Т.А.* Принципы римского права в советских конституциях // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2012. № 4. С. 31–39.

[Андерсон 2016]: *Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. М.: Common place, 2016.

[Байбаков 2012]: *Байбаков С.А.* Современные представления о разработке проекта третьей Конституции СССР (1977 г.): По новым архивным материалам // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2012. № 5. С. 128–149.

[Блинов 2013]: *Блинов Е.* Речь как первое установление общества: Руссо и революционная политика языка // Логос. 2013. № 6. С. 67–96.

[Белов 2017 web]: *Белов Ю.* Это был сталинский проект // Правда. Орган Центрального комитета КПРФ. 2017. № 74. 13 июля. Электронный источник. (<http://gazeta-pravda.ru/#line-6>).

[Брагова 2016]: *Брагова А.М.* Понятие «государство» в сочинениях Цицерона // Самарский научный вестник. 2016. № 1. С. 93–96.

[Бранденбергер 2017^a]: *Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1917–1941. М.: РОССПЭН, 2017.

[Бранденбергер 2017^b]: *Бранденбергер Д.* Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М.: РОССПЭН, 2017.

[Брежнев 1973]: *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 2. М.: Изд-во политической лит-ры, 1973.

[Брежнев 1977]: *Брежнев Л.И.* О Конституции. М.: Политиздат, 1977.

[Бударин 2017^a]: *Бударин В.* Истина в диалоге. 2017. Электронный источник. (<https://msk.kprf.ru/2017/08/31/30623/>).

[Бударин 2017^b]: *Бударин В.А.* Проект 1947 — зародыш гибели СССР // Бударин В.А. ...Истина дороже! Полемические очерки. М., 2017.

[Бурлацкий 1963]: *Бурлацкий Ф.М.* Государство и коммунизм. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1963.

[Бурлацкий 1970]: *Бурлацкий Ф.М.* Ленин, государство, политика. М.: Наука, 1970.

[Бурлацкий 2003]: *Бурлацкий Ф.М.* Никита Хрущев. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003.

[Бурлацкий, Мушинский 1986]: *Бурлацкий Ф.М., Мушинский В.О.* Народ и власть: Научно-популярный очерк политической системы социализма. М.: Политиздат, 1986.

[Венгер 2000]: *Венгер А.* Рим и Москва: 1900–1950. М.: Русский путь, 2000.

[Выписки К. Маркса 1969]: Выписки К. Маркса из «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969.

[Герье 2011]: *Герье В.И.* Идея народовластия и Французская революция 1789 года. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.

[Гройсберг 2015]: *Гройсберг А.И.* Развитие теории суверенитета Ж.-Ж. Руссо в годы Французской буржуазной революции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 1 (27). С. 8–17.

- [Денисов, Раджабов 1982]: *Денисов А.И., Раджабов С.А.* Социалистическое общенародное государство (В свете решений XXVI съезда КПСС). Душанбе: Дониш, 1982.
- [Дубровский 2017]: *Дубровский А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: РОССПЭН, 2017.
- [Ж.-Ж. Руссо: pro et contra 2005]: Ж.-Ж. Руссо: pro et contra / Сост., вступ. ст. и коммент. А.А. Златопольской. СПб.: РХГА, 2005.
- [Жуков 2017]: *Жуков Ю.Н.* Сталин. Тайны власти. М.: Концептуал, 2017.
- [Занин 2007]: *Занин С.В.* Общественный идеал Жан-Жака Руссо и французское Просвещение XVIII века. СПб.: Издательский дом «Миръ», 2007.
- [Згоржельская 1997]: *Згоржельская С.С.* Борьба консервативной и реформаторской тенденций в общественно-политической жизни СССР. 1953–1964 годы. Автореферат дис. ... к.ист.н. М., 1997.
- [Згоржельская 2006]: *Згоржельская С.С.* Концепция общенародного государства в Проекте Конституции СССР 1964 г. Автореферат дис. ... к.юр.н. М., 2006.
- [Златопольская 2005]: *Златопольская А.А.* Идеи «женевского гражданина» и Россия. Полтора века воздействия и осмысления (1752–1917) // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra / Сост., вступ. статья и коммент. А.А. Златопольской. СПб.: РХГА, 2005.
- [Измозик et al. 2009]: *Измозик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С.* Подлинная история РСДРП — РКП(б) — ВКП(б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб.: Питер, 2009.
- [Информационное совещание 1948]: Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. М.: ОГИЗ 1948.
- [История КПСС 1980]: История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. Т. 5. Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества. 1938–1959 гг. Кн. 2 (1945–1959 гг.). М.: Изд-во политической лит-ры, 1980.
- [Капченко 2009]: *Капченко Н.И.* Политическая биография Сталина. Т. III (1939–1953). Тверь: Информационно-издательский центр «СОЮЗ», 2009.
- [Клименко 2013]: *Клименко А.Н.* Концепция «Москва — Третий Рим» в геополитической практике И.В. Сталина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки. 2013. № 24. С. 124–132.
- [Кожин 2001]: *Кожин В.В.* Россия. Век XX (1939–1964). Опыт беспристрастного исследования. М.: Алгоритм, 2001.
- [Конституция 1983]: Конституция и законы Союза ССР / Сост. Гуреев П.П., Калитеевская А.В., Николаева Н.А.; ред. М.М. Головина. М.: Известия Советов народных депутатов, 1983.
- [Конституция СССР 2002]: Конституция СССР. Основной закон. Проект. 1964 год // Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
- [Косолапов 1999]: *Косолапов Р.* Горбачевский термидор // КПСС: Взлет и крушение. Компартия России: Начало биографии. Современный этап коммунистического движения в России. Материалы науч. конф. общества «Российские ученые социалистической ориентации» / Под общ. ред. И.П. Осадчего. М.: Былина, 1999.
- [КПСС в резолюциях 1953]: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. 1925–1953. М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1953.
- [Материалы XXII съезда 1961]: Материалы XXII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1961.
- [Медушевский 2017]: *Медушевский А.Н.* Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

- [Менгер 2015]: *Менгер А.* Новое учение о государстве. Создание правового фундамента народного трудового государства. М.: ЛЕНАНД, 2015.
- [Новгородцев 1996]: *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996.
- [Олар 1938]: *Олар А.* Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики. 1789–1804. Изд. 4-е. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1938.
- [Парсамов 2010]: *Парсамов В.С.* Декабристы и Франция. М.: РГГУ, 2010.
- [Пеги 2001]: *Пеги Ш.* Наша юность. Мистерия о милосердии Жанны Д'Арк. СПб.: Наука, 2001.
- [Петтит 2016: 44]: *Петтит Ф.* Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
- [Политбюро 2002]: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953 / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2002.
- [Политическая экономия 1954]: Политическая экономия. Учебник / Институт экономики АН СССР / Островитянов В.К., Шепилов Д.Т., Леонтьев Л.А. и др. М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1954.
- [Проект новой программы 2016 *web*]: Проект новой программы ВКП(б) в последней редакции, подготовленный по решению февральского (1947 года) пленума ЦК ВКП(б) // Правда. Орган Центрального комитета КПРФ. 2016. №№ 85, 88, 94, 97. Электронный источник [gazeta-pravda.ru/#line-6].
- [Пыжиков 2002]: *Пыжиков А.В.* Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
- [Развитие политической экономии 1981]: Развитие политической экономии в СССР и ее актуальные задачи на современном этапе / Под ред. Н.А. Цаголова. М.: Изд-во Московского университета, 1981.
- [Реальный социализм 1977]: Реальный социализм в СССР и его буржуазные фальсификаторы / Под ред. Ю.Е. Волкова, Е.Д. Модржинской (рук. авт. кол.), В.И. Цапанова. М.: Мысль, 1977.
- [Рогов 2017]: *Рогов И.* Теория империологии. М.: Книжный мир, 2017.
- [Роллан 1958]: *Роллан Р.* Жан-Жак Руссо // Роллан Р. Собр. соч.: В 15 т. Т. 13. Вопросы эстетики. Театр. Живопись. Литература. М.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1958.
- [Руссо 1938]: *Руссо Ж.-Ж.* Руссо об общественном договоре, или Принципы политического права / Институт философии АН СССР. М.: Соцэкгиз, 1938.
- [Руссо 2013]: *Руссо Ж.-Ж.* Политические сочинения. СПб.: Росток, 2013.
- [Руссо 1969]: *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969.
- [Сиволап-Кафтанова 1978]: *Сиволап-Кафтанова И.И. Ж.-Ж.* Руссо в советской литературе 1917–1976 гг. // Французский ежегодник–1976. М., 1978. С. 247–257. (Pdf-версия: vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm).
- [Симонов 2017^а]: *Симонов М.А.* Проект программы ВКП(б) 1947 г.: Причины и ход разработки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3–2 (77). С. 157–161.
- [Симонов 2017^б]: *Симонов М.А.* Сравнительный анализ проектов изменений Устава ВКП(б) 1947 и 1952 гг. // Вестник Томского университета. История. 2017. № 5. С. 30–36.
- [Сталин 1945]: *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М.: ОГИЗ, 1945.
- [Сталин 1952]: *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Политиздат, 1952.
- [Сталин и современность 2010]: Сталин и современность / Отв. ред. Д.В. Джохадзе, Р.И. Косолапов. М.: КРАСАНД, 2010.

[Сталинское экономическое наследство 2017]: Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / Сост.: д.э.н., проф. В.В. Журавлев, к.ист.н. Л.Н. Лазарева. М.: РОССПЭН, 2017.

[Тайманова 2006]: *Тайманова Т.С.* Шарль Пегги: философия истории и литература. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

[Талмон 1993]: *Талмон Дж.Л.* Истоки тоталитарной демократии // Тоталитаризм: что это такое? (Исследования зарубежных политологов). Сб. статей, обзоров, рефератов, переводов. Ч. I. М., 1993.

[Трушков 2016^a web]: *Трушков В.В.* Зигзаги третьей Программы // Правда. Орган Центрального комитета КПРФ. 2016. № 118. 21–24 октября. Электронный источник. (<http://gazeta-pravda.ru/#line-6>).

[Трушков 2016^b web]: *Трушков В.В.* О чем рассказали архивные папки // Правда. Орган Центрального комитета КПРФ. 2016. № 70. 1–4 июля. Электронный источник [gazeta-pravda.ru/#line-6].

[Трушков 2016^c web]: *Трушков В.В.* Почему сталинско-ждановский проект попал в архив? // Правда. Орган Центрального комитета КПРФ. 2016. № 109. 30 сентября — 3 октября. Электронный источник [gazeta-pravda.ru/#line-6].

[Федорова 2004]: *Федорова М.М.* Бенджамен Констан // Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII–XIX вв.). М.: ИФРАН, 2004.

[Фокин 2017]: *Фокин А.А.* «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: РОССПЭН, 2017.

[Фурсов 2015]: *Фурсов А.И.* Русский интерес. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015.

[Фурсов 2014]: *Фурсов А.И.* Советская система и нищета политологии (СССР сквозь призму некоторых политологических схем) // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 81–96.

[Чернобель 1970]: *Чернобель Г.Т.* К. Маркс и Ф. Энгельс о народовласти и народном представительстве. Автореферат дис. ... к.юр.н. М., 1970.

[Чесноков 1964]: *Чесноков Д.И.* Исторический материализм. М.: Мысль, 1964.

[Чесноков 1952]: *Чесноков Д.И.* Советское социалистическое государство. М.: Гослитиздат, 1952.

[Чичерин 2008]: *Чичерин Б.Н.* История политических учений. Т. 2. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2008.

[Шапиро 1990]: *Шапиро Л.* Коммунистическая партия Советского Союза. London, Overseas Publications Interchange Ltd., 1990.

[Шепилов 1950]: *Шепилов Д.* Великий советский народ. М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1950.

[Colletti 1974]: *Colletti L.* From Rousseau to Lenin. Studies in Ideology and Society. Monthly Review Press, New York & London, 1974.

[Volpe 1962]: *Volpe G de.* Rousseau e Marx e altri saggi di critica materialistica. Editori Riuniti, Roma, 1962.